

Почему Маркс был прав

Содержание

<i>Предисловие к изданию на русском языке М. Жазира</i>	<i>9</i>
<i>Предисловие</i>	<i>23</i>
<i>Глава 1</i>	<i>27</i>
<i>Глава 2</i>	<i>39</i>
<i>Глава 3</i>	<i>59</i>
<i>Глава 4</i>	<i>97</i>
<i>Глава 5</i>	<i>146</i>
<i>Глава 6</i>	<i>170</i>
<i>Глава 7</i>	<i>206</i>
<i>Глава 8</i>	<i>227</i>
<i>Глава 9</i>	<i>246</i>
<i>Глава 10</i>	<i>263</i>
<i>Заключение</i>	<i>294</i>
<i>Примечания</i>	<i>296</i>
<i>Об авторе</i>	<i>303</i>

Глава 1

Марксизм закончился. Он мог до некоторой степени отражать ситуацию в мире фабрик и голодных бунтов, угольных копей и трубочистов, повсеместной нищеты и многочисленных трудящихся классов. Но он, безусловно, не имеет отношения к социально мобильным и все более утрачивающим классовые различия современным обществам Запада. И сейчас марксизм остается просто символом веры для тех, кто слишком упрям, труслив или наивен, чтобы признать, что мир изменился и приблизился к добру в самом широком смысле этого слова.

*У*звездие о том, что марксизм закончился, везде и всюду прозвучало бы как музыка для ушей марксистов. Ведь это означало бы, что они могут свернуть свои демонстрации и пикеты, вернуться в лоно своих пострадавших семей и вечерами радоваться жизни вместе с домашними, а не вести утомительные дискуссии в партийных комитетах. Марксисты не желают ничего более, кроме как перестать быть марксистами. В этом отношении бытие в качестве марксиста не имеет ничего общего

П. Уэлтон. Почему Маркс был прав

с бытием буддиста или миллионера. Оно гораздо больше похоже на жизнь врача, деятельность которого является достаточно своеобразной и, вообще говоря, самоотрицающей. Потому что, излечивая пациентов и надолго избавляя их от необходимости обращаться за лечением, врачи сами себя лишают работы. Подобно этому и задачей радикальных политических движений является достижение такой точки, где они перестали бы быть необходимыми по причине воплощения в жизнь всех своих планов. Тогда они могли бы откланяться, сжечь свои плакаты и листовки с Че Геварой, снова взять в руки давно откладывавшиеся скрипки и начать говорить о чем-нибудь более увлекательном, нежели азиатский способ производства. И если по завершении XX века еще остаются марксисты или феминисты, то это достойно сожаления. Марксизм есть сугубо временное занятие, и тот, кто посвящает ему всего себя, действует вразрез с главной его идеей. Потому что конечной целью и совершенным воплощением марксизма является жизнь после марксизма.

Есть только одна сложность с этим в других отношениях вполне привлекательным подходом. Марксизм является критикой капитализма – наиболее глубокой, строгой и всеобъемлющей критикой из всех когда-либо звучавших в его адрес с момента появления. Марксистская критика также является единственной, которая смогла повлиять на огромные части земного шара. Отсюда следует, что, до тех пор пока капитализм продолжает «делать деньги», марксизм также должен оставаться в строю, и только после отставки оппонента он может отправиться на заслуженный отдых. Капитализм же в последнее время выглядит как никогда склочным и раздражительным. Большинство же

Глава 1

нынешних критиков марксизма не обсуждают его основы; их претензии сводятся скорее к тому, что со времен Маркса система изменилась почти до неузнаваемости, и по этой причине его идеи более не являются актуальными. Прежде чем переходить к более детальному рассмотрению этих претензий, стоит напомнить, что сам Маркс прекрасно понимал постоянно-изменчивый характер исследуемой им системы и что именно в марксизме мы имеем концепцию различных исторических форм капитала: торгового, аграрного, промышленного, монопольного, финансового, империалистического и так далее. Тогда почему же тот факт, что в последние десятилетия капитализм изменил свою форму, должен ниспровергать теорию, которая рассматривает изменчивость как одну из его существенных особенностей? Тем более что сам Маркс предсказывал, что по мере роста производительности труда будет снижаться удельная численность промышленных рабочих и резко возрастет число занятых в непроизводственных секторах; подробнее мы поговорим об этом чуть позже. Он также предвидел так называемую глобализацию – удивительно для человека, чьи мысли предлагается считать устаревшими. Хотя, может быть, «стародавнее» качество идей Маркса как раз и делает их вполне актуальными в наши дни и на обозримую перспективу. А в устаревании его обвиняют поборники капитализма, стремительно возвращающиеся к викторианским масштабам неравенства.

В 1976 году достаточно много людей на Западе признавали наличие у марксизма разумных доводов в свою пользу. К 1986 году многие из них уже не признавали, что таковые доводы имеются. Что же случилось за это время? Может, эти люди

П. Уэлтон. Почему Маркс был прав

просто оказались погребенными под горами детских пеленок? Или какое-то новое потрясшее мир исследование разоблечило теорию Маркса как подделку? Или мы наткнулись на некую долгое время оставшуюся неизвестной рукопись Маркса, в которой он признается, что все это было шуткой? Нам также не довелось к своему ужасу обнаружить, что Маркс находился на содержании у капитала. Потому что мы всегда это знали. Без текстильной фабрики Ermen & Engels в Салфорде, принадлежавшей отцу Фридриха Энгельса, постоянно нуждавшийся Маркс мог и не пережить газетной полемики с текстильными фабрикантами.

Но кое-что в интересующий нас период действительно произошло. Начиная с середины 1970-х годов западная система пережила ряд весьма существенных изменений [1]. На смену традиционному промышленному производству приходит «постиндустриальная» культура организации потребления, коммуникаций, информационных технологий и индустрии сервиса. На первый план выходят небольшие, децентрализованные, полифункциональные предприятия без жестких управляющих иерархий. Управление рынками упраздняется, а движение рабочего класса подвергается дикому политическому давлению и юридическим преследованиям. Традиционная классовая солидарность ослабевает, тогда как местнические, семейно-клановые и этнические связи укрепляются опережающими темпами. Политические деятели становятся все более контролируемыми и управляемыми.

Новые информационные технологии превратились в ключевой ресурс нарастающей глобализации системы, и одновременно горстка транснациональных корпораций в погоне за лег-

Глава 1

кими прибылями распределяла по планете свое производство и инвестиции. В результате перевод значительной части производственных мощностей в «слаборазвитые» страны с дешевой рабочей силой привел некоторых не видящих дальше своего живота западных деятелей к выводу, что тяжелая промышленность вовсе должна исчезнуть с нашей планеты. Последовавшие за этими масштабными изменениями массовые международные перемещения рабочей силы, в свою очередь, по мере того как в наиболее развитые экономики вливались обездоленные мигранты, привели к возрождению расизма и фашизма. И пока «периферийные» страны привыкали к выпавшему на их долю потогонному труду, скупке за бесценок их национального достояния, усеченным заработкам и чудовищно несправедливым условиям торговли, гладковыбритые руководители компаний из стран-метрополий срывали свои галстуки, распускали воротнички стильных сорочек и томились мыслями о духовном благополучии своих работников.

Ничего этого не наблюдалось, когда капиталистическая система находилась в бодром и жизнерадостном состоянии. Напротив, вновь обнаружившийся воинственный настрой, как и большинство форм агрессии, вырастал из глубинной тревоги. Если система демонстрировала маниакальность, то причиной этого была ее скрытая депрессия. Среди факторов, приведших к такой трансформации, главным стал, пожалуй, внезапно угасший послевоенный бум. Обостряющаяся международная конкуренция заставляла снижать нормы прибыли, иссушала источники инвестиций и замедляла темпы роста. В таких условиях даже выбор социал-демократов становился слишком радикальным и до-

П. Уэлтон. Почему Маркс был прав

рогостоящим политическим шагом. Поэтому данный этап вывел на авансцену Рейгана и Тэтчер, которые старались содействовать демонтажу традиционной промышленности, обуздывать рабочее движение, давать рынку «полный вперед», укреплять репрессивные рычаги государства и продвигать новую социальную философию, известную как бесстыдное стяжательство. Однако перетекание инвестиций из производства в сервис, финансовую и коммуникационную индустрии, что было реакцией на затянувшийся экономический кризис, не стало скачком из плохого старого мира в некий новый и прекрасный.

Правда, даже с учетом всего вышесказанного представляется сомнительным, что большинство радикалов, изменивших свое мнение о системе в период между 1970-ми и 1980-ми годами, сделали это просто потому, что вокруг стало меньше хлопкопрядильных фабрик. Главной причиной, побудившей эту публику вместе со своими банданами и бакенбардами забросить подальше марксизм, стало не это, а растущее убеждение, что режим, против которого они выступали, слишком прочен, чтобы рухнуть. Это было не иллюзией относительно нового капитализма, но разочарованием в возможности его изменить, каковое и стало решающим. Безусловно, нашлось предостаточно социалистов, которые смогли оправдать собственную слабость и уныние с помощью утверждения, что если бы система не могла меняться, то ничто не смогло бы поддержать ее существование. Однако за этим стояло прежде всего отсутствие веры в иную возможность, и это предопределило итог. Движение рабочего класса было до такой степени подавлено и обескровлено, а политический левый фланг столь сильно откатился назад, что бу-

Глава 1

дущее казалось бесследно пропавшим. Распад в конце 1980-х годов советского блока также способствовал углублению общего разочарования у многих левых; не добавляло оптимизма и то, что наиболее успешное радикальное движение современности – революционный национализм – явно стало выдыхаться. То, что порождало культуру постмодернизма с ее отказом от так называемых больших форм и торжествующим объявлением конца Истории, было связано главным образом с убежденностью в том, что отныне будущее обречено стать просто повторением настоящего. Или как выразился один плодовитый постмодернист: «Настоящее плюс больше разнообразия».

Ну а больше всего дискредитации марксизма в то время служило расплывающееся ощущение политической импотенции. Трудно поддерживать веру в перемены, когда перемены кажутся снятыми с повестки дня, даже если вам, как никогда, требуется такую веру сохранить. Но если вы не сможете устоять перед кажущейся неизбежностью, то вы никогда не узнаете, такой ли уж неизбежной была эта неизбежность. Если же малодушные находили способ удержаться на своей последней точке зрения в течение двух последующих десятилетий, то они получали возможность наблюдать капитализм столь монументальный и неприступный, что не далее как в 2008 году банкоматы начали устанавливать прямо на центральных улицах. Они также увидели бы, как целый континент к югу от Панамского канала решительно сдвинулся политически влево. На сегодня «конец Истории» закончился. И в любом случае марксисты должны быть хорошо закалены, чтобы не рассыпаться от неудач. Они знавали и более крупные катастрофы. Политические преиму-

П. Уэлтон. Почему Маркс был прав

щества всегда будут на стороне системы, находящейся у власти, пусть даже только потому, что у нее больше танков, чем у вас. Однако опрометчивые воззрения и радужные надежды конца 1960-х сделали последующий провал особенно отрезвляющей пилюлей для тех, кто сумел пережить эту эпоху.

В те времена людей сбивало с толку и делало в их глазах марксизм не заслуживающим доверия не то, что капитализм смог перекраситься. Дело обстояло прямо противоположным образом. Было очевидно, что, пока система продолжает двигаться, она остается «бизнесом» как обычно и даже более того. Ирония жизни состояла в том, что то, что помогало отбиваться от марксизма, одновременно пробуждало определенное доверие к его утверждениям. Это становилось до предела наглядным, поскольку подновленный социальный строй сошелся с ним лицом к лицу, оставив попытки выглядеть более мягким и умеренным и сделавшись более суровым и безжалостным, чем он был раньше. И это сделало марксистскую критику всех его аспектов более адресной и узнаваемой. В глобальном масштабе капитализм стал более сконцентрированным и хищническим, чем когда-либо прежде, а рабочий класс действительно численно вырос. Поэтому стало возможным представить себе будущее, в котором сверхбогач скрывается в своих укрепленных и охраняемых городках, а миллиард или около того обитателей трущоб ютятся в вонючих хибарах, окруженных колючей проволокой и сторожевыми вышками. В таких обстоятельствах утверждать, будто марксизм закончился, равносильно заявлению, что профессия пожарного устарела, поскольку поджигатели сделали более изобретательными и оснащенными, чем когда-либо раньше.

Глава 1

В наше время, как и предсказывал Маркс, разрыв в обеспеченности вырос чрезвычайно. Сегодня доход одного мексиканского миллиардера равен заработкам семнадцати миллионов его беднейших соотечественников. Капитализм создал больше богатств, чем когда-либо видела история, но издержки – куда входит не только крайняя нищета миллиардов людей – были астрономическими. Согласно данным Всемирного банка, в 2001 году 2,74 миллиарда человек жили на сумму менее двух долларов в день. На этом фоне отнюдь не выглядит невероятным будущее, в котором ядерные державы ведут войну из-за оскудевших ресурсов, причем это оскудение в значительной мере является следствием как раз капиталистического хозяйствования. Впервые в истории наша господствующая форма жизни оказалась в состоянии не просто породить расизм и распространять культурный кретинизм, ввергающие нас в войну или заставляющие трудиться по законам осажденного лагеря, но обрела силу вовсе стереть нас с лица земли. Капитал будет поступать антисоциально, если это будет прибыльным для него, и в настоящее время это может означать разорение человечества в невообразимых масштабах. То, что вчера было апокалиптическими фантазиями, сегодня оборачивается трезвой оценкой реальности. Никогда ранее традиционный лозунг левых «Социализм или варварство» не звучал столь устрашающе и не был менее всего похож на риторическую виньетку. В этих условиях, как пишет Фредрик Джеймсон, «марксизм с необходимостью должен еще раз показать свою правоту» [2].

Потрясающее неравенство в распределении власти и до- статка, империалистические войны, усиливающаяся эксплуа-

П. Уэлтон. Почему Маркс был прав

тация, растущий репрессивный аппарат – все это не только характерные черты сегодняшнего мира, но еще и вопросы, над которыми марксисты размышляют и работают почти два столетия. И хочется надеяться, что потребуются не очень много уроков, чтобы обучить этому ныне здравствующих. Сам Маркс поражался жестокости процесса, посредством которого согнанное с земли крестьянство переплавлялось в городской пролетариат, что он мог лично наблюдать в избранном им для проживания графстве Англии, – процесса, через который сегодня проходят Бразилия, Россия, Индия и Китай. Тристрам Хант подчеркивает, что книга Майка Девиса «Планета трущоб», которая документально описывает не заслуживающие иного названия «зловонные клоаки», встреченные автором в Лагосе или Дакке, может рассматриваться как обновленная версия книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в...». По поводу Китая, превратившегося в «мастерскую мира», Хант замечает: «Специальные экономические зоны в Гуанчжоу или Шанхае выглядят жуткими напоминаниями о Манчестере и Глазго 1840-х годов» [3].

Так что же это – обновленный марксизм или капитализм как таковой? В свое время в викторианской Англии Маркс рассматривал систему как уже утратившую былую энергию и доказывал, что капитал, в период своего подъема способствовавший социальному развитию, теперь превратился в тормоз для него. Он рассматривал капиталистическое общество как погрязшее в иллюзиях и фетишизме, мифах и идолопоклонстве, но при этом безмерно чванящееся своим современным обликом. Его большая просвещенность – она же самодовольная вера в свой

Глава 1

непревзойденный рационализм – была лишь разновидностью суеверия. И если капитализму удавалось добиться внушительного прогресса в каких-то областях, то имелось немало других сфер, в которых он прилагал огромные усилия, чтобы только оставаться на месте. Решающим ограничителем для капитализма, как указывал Маркс, является сам капитал, постоянное воспроизводство которого есть та граница, за которую он не может выйти. Этим и определяется, на первый взгляд, удивительная статичность и повторяемость этой наиболее динамичной из всех исторических формаций. Соответственно тот факт, что основной принцип капитализма остается неизменным, является главной и единственной причиной, в силу которой его марксистская критика продолжает оставаться в целом адекватной. Только продемонстрировав способность вырваться за свои собственные границы и начать нечто совершенно новое, система могла бы покончить со своим нынешним состоянием. Однако капитализм не способен создать будущее, которое не являлось бы ритуальным воспроизведением настоящего. Хотя, надо признать, в нем в самом деле присутствует больше разнообразия...

Капитализм сформировал огромный материальный потенциал. Тем не менее, хотя данный способ организации нашей жизни уже долгое время пытается доказать, что он способен всесторонне удовлетворять человеческие потребности, похоже, что он нисколько не приблизился к этой цели. Как долго мы готовы ждать обеспечения всех хотя бы на минимально достойном уровне? Почему мы продолжаем благодушно внимать мифам, будто баснословные богатства, производимые под

П. Уэлтон. Почему Маркс был прав

контролем капитала, со временем станут доступны каждому? Будет ли мир воспринимать подобные требования крайне левых с такой же снисходительно-выжидательно-созерцательной отстраненностью? Деятели правого толка, которые признают, что в системе всегда присутствовала колоссальная несправедливость, но это вполне терпимо, а альтернатива еще хуже, по крайней мере более честны в своем нескрываемом цинизме, чем те, кто пытается уверять, что в конце концов все будет хорошо. Например, на свете живут как богатые, так и бедные люди, подобно тому как мы можем встретить людей с белой или черной кожей, и в перспективе выгоды положения состоятельных вполне могут распространиться на неимущих. Однако с учетом того что некоторые люди являются обездоленными, тогда как другие – преуспевающими, это оказывается больше похоже на утверждение, что мир включает в себя и сыщиков, и преступников. Это так, но подобная логика затемняет тот факт, что сыщики существуют по причине наличия преступников...